

PN 4117
.P6
1831
Copy 1

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1925

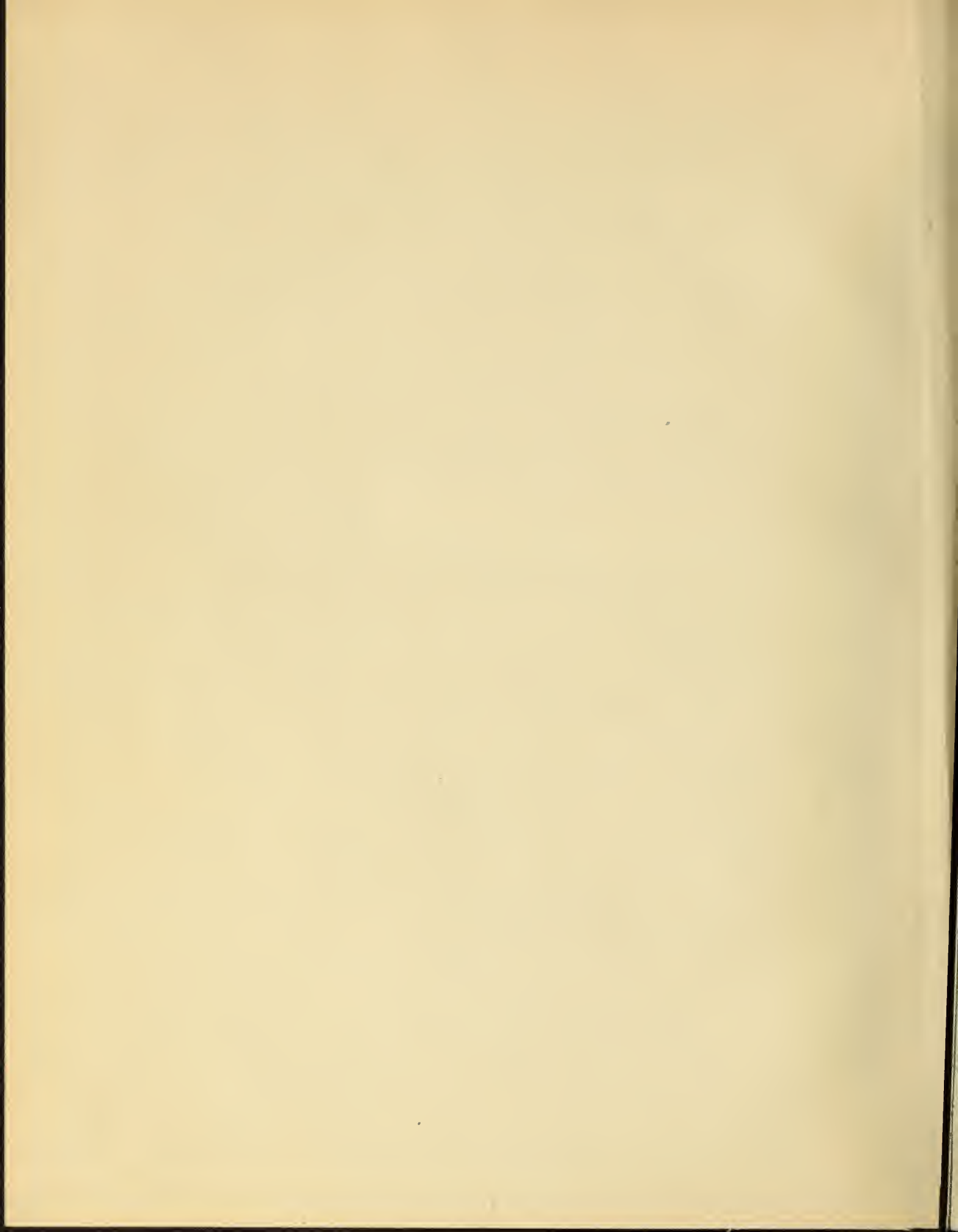

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

2763
990-5
I

Сур

Pobedonostsev, Petr Vasil'evich.

Слово о существенныхъ обязанностяхъ
вѣтри

С Л О В О

О СУЩЕСТВЕННЫХЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ

В И Т И И

**И О СПОСОБАХЪ КЪ ПРИОБРѢТЕНІЮ УСПѢХОВЪ
ВЪ КРАСНОРѢЧІИ,**

ПРОИЗНЕСЕННОЕ

**Э. ПРОФЕССОРОМЪ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫМЪ ЧЛЕНОМЪ ОБЩЕ-
СТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ,
СТАТСКИМЪ СОВѢТНИКОМЪ И КАВАЛЕРОМЪ,**

Петромъ Побѣдоносцевымъ.
"

PN 4117
Pg
1831

С Л О В О

О существенныхъ обязанностяхъ Вити
и о способахъ къ приобретению успѣховъ
въ Краснорѣчїи.

Премудрость Божія всему назначила свое время. Есть чреда сѣянію, есть и жатвѣ. Законъ сей свято соблюдается природою и обществомъ человѣческимъ. Согласно съ правилами порядка и постепенности, все въ царствѣ растѣній и животныхъ имѣетъ свое начало, возрастаніе, цвѣтеніе и зрѣлость. И въ семь святыищъ **Наукъ**, созданномъ могущественною рукою безсмертной Дщери Великаго Преобразителя Россїи, крошкой и благочестивой Елисаветы, распроспраненномъ щедрошами премудрой Екашерїны, увеличенномъ въ своихъ правахъ и преимуществвахъ благословеннымъ Александромъ, процвѣшающемъ и плодоносящемъ подъ державною десницею благополучно Царствующаго **ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I** — въ Московскомъ Университетѣ, вспутившемъ на второй годъ по семидесяти-пятилѣтнемъ существованїи своемъ, настало время новой жатвы. Юноши, пользовавшїеся образованїемъ ума и сердца, дали уже опчещъ въ успѣхахъ своихъ — и достойнѣйшіе, для поощренїя ихъ къ дальнѣйшему преуспѣванїю на поприщѣ просвѣщенїя, имѣющаго въ виду пользу и славу Отечества, какъ усердные дѣлатели въ верхоградѣ наукъ, воспрїемлютъ мзду свою. Сколь вождельно для нихъ видѣть свидѣтелями шоржества своего васъ, Почтеннѣйшіе Посѣщители! сколько утѣшительно для нихъ присуствїе Мужей, назидательнымъ примѣромъ своимъ указующихъ имъ вѣрный путь къ ревностному служенїю Вѣрѣ, Отечеству, Престолу! Уже чувствуютъ они важность обязанностей, ихъ ожидающихъ въ общественной жизни, и готовятся быть достойными украшаться именемъ полезнаго гражданина. Совѣшы опытной мудрости не изгладяшя изъ памяти ихъ, и направленїе ума къ истинѣ, сердца къ добродѣтели пребудетъ священной для

нихъ обязанностію. Они знаютъ и чувствуютъ, что ихъ наславники въ лестнѣйшую награду за свои труды вмѣняютъ успѣхи ихъ въ истинномъ просвѣщеніи, утверждающемся на благочестіи, знаютъ — и не лишаютъ ихъ сладостнѣйшаго удовольствія видѣть совершеніе надеждъ своихъ.

Съ живѣйшею радостію въ душѣ праздновали мы высокопородженнѣйшій день рожденія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, — и какъ не радоваться намъ, благоденствующимъ подъ скипетромъ Того, Коего бытіе есть жизнь Россійскаго Государства? Съ чувствомъ благодаренія воспоминаемъ истинно Царскія щедроты, отъ Престола до отдаленнѣйшихъ предѣловъ Отечества нашего изливаемые. Въ природѣ ничто не упантся отъ лучей солнечныхъ: въ Россіи ни одно состояніе не укрывается отъ промыслительности мудраго МОНАРХА. Прозорливость ЕГО ума, отклоняя все, могущее помрачить ясность дней нашихъ, на прочномъ основаніи утверждаетъ настоящее и будущее благоденствіе наше; нѣжность ЕГО сердца, приосѣняя всѣхъ отеческою любовію, сливается съ милосердіемъ, носящимъ на себѣ знаменіе всеобъемлющей благости Божіей. Святая Церковь покоится подъ кровомъ ЕГО благочестія; Законы, коихъ ОНЪ первый Блюститель, изрекають судъ правый; воинство, возмужавшее въ бранномъ искусствѣ, вездѣ вѣнчается неувядаемыми лаврами побѣды и разсѣкаетъ козни, злонамѣренностью и мяшежемъ составляемые; промышленность и торговля, какъ два древа, сплещіяся вѣтвями, постепенно возрастають въ высоту и широту — и Отечество наслаждается обиліемъ внутреннихъ избытковъ и произведеніями странъ отдаленныхъ. Подъ ЕГО высокимъ покровительствомъ и науки, подобно многоводной рѣкѣ, разливають просвѣщеніе и благодашно дѣйствуютъ на умы и сердца въ городахъ и селахъ, въ чертогахъ и хижинахъ. Сей храмъ, посвященный образованію умовъ и сердець, благоговѣя предъ возвышенными доблестями ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, съ ревностнѣйшимъ усердіемъ прославляетъ неусыпныя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА попеченія о распространеніи просвѣщенія по всей обширности Россійской Имперіи.

При семъ торжествѣ учащихъ и учащихся да позволено мнѣ будешь предложить мои замѣчанія о *существенныхъ обязанностяхъ Витіи и о способахъ къ приобретению успѣховъ въ Краснорѣчіи*. Чувствую, Почтеннѣйшіе Посѣщители, чувствую всю важность предмета и слабость силъ своихъ; вижу въ васъ здравомыслящихъ и опытныхъ цѣнителей, ошъ коихъ не укроются недоспадки моего слова; но подкрѣпляемый надеждою на ваше благоснизхожденіе, дерзаю вступить на подлежащее мнѣ поприще.

Сила наукъ сосредоточивается для человѣка въ искусствѣ сообщая другимъ мысли и чувствованія. Доведенное до надлежащей зрѣлости, называется оно *Краснорѣчіемъ*. Сей даръ, особенно доказывающій превосходство природы человѣческой, верховною Премудростію и Всемогуществомъ пославленной выше всѣхъ твореній, имѣющихъ жизнь, движеніе и чувство, — даръ сей низпосылается не многимъ. Отличившіеся способностію посредствомъ слова дѣйствовать на умъ, сердце и воображеніе другихъ, достойно именуяся *Ораторами*. Имъ принадлежишь честь и слава, если шолько истина и добродѣшель одушевляють ихъ мысли и выраженія.

Краснорѣчіе, подведенное подъ правила, есть искусство выражать мысли и чувствованія правильно, ясно, пріятно и убѣдительно, сообразно съ предметомъ и намѣреніемъ. Оно занимаетъ первое мѣсто между изящными Искусствами. Цѣль его — посредствомъ языка словеснаго и письменнаго дѣйствовать на умы и сердца возвышенностію мыслей, почерпаемыхъ изъ міра вещественнаго, нравственнаго и духовнаго. Сей цѣли достигаешь Вишія, имѣющій всѣ достоинства, какія, по мнѣнію Цицерона и Квинтилиана, дають ему право на сіе почетное имя. Первый, въ книгѣ *объ Ораторѣ* представившій образецъ истиннаго Краснорѣчія и назвавшій оное искусствомъ божественнымъ, слѣдственно имѣющимъ въ виду благо человѣчества, не отдѣляетъ его ошъ Философіи и Поэтики; почитаетъ необходимымъ, чшобъ

Ораторъ, при убѣжденіи въ истину, былъ силенъ какъ буря, быстръ какъ потокъ, пламененъ какъ перунь (*); пребуешь, чшобъ онъ судилъ основательно какъ Діалектикъ, мыслить здраво какъ Философъ, выражалъ свои поняшя какъ Поэшь. Другой вмѣняешь ему въ обязанность запасшисъ обширными знаніями и сверхъ того бышь спрогимъ блюспителемъ правилъ свяшой добродѣтели (**), хвалишь всякое благо и оуждашь зло, защищаешь невинныхъ и обличаешь виновныхъ. Древніе почишали Краснорѣчіе первымъ достоинствомъ и вѣрнѣйшимъ путемъ къ приобретению общаго уваженія. Посвящая на упражненіе въ немъ всю жизнь свою, силою слова шоржествовали вездѣ, гдѣ шолько нужно было предостерегать и вразумлять людей. Чиншая ихъ шворенія, кто не увѣрился, что привлекаешь общее вниманіе, доставляешь занятіе уму, удовольствіе воображенію, наслажденіе сердцу — ешь талантъ превосходнѣйшій? Но достоинство его возсіяешь въ полномъ блескѣ, когда со всею шочностію будетъ выполняема священная обязанность возбуждаешь въ другихъ опшращеніе опъ всего низкаго и вреднаго, приверженность ко всему возвышенному и полезному. Какая выгода можешь равняться съ пользою опдѣляешь опъ ложнаго видъ истины, съ порока срывашь личину добра, поражашь словами сильнѣе, чѣмъ оружіемъ, враговъ порядка и благочестія, а беззащитную правоту изшоргаешь изъ когшей наглости и жестокосердія! „Если истина и любовь челошеческаго рода“ — говоритъ Авторъ Эмилиевыхъ писемъ — „управляющъ гласомъ Вишій, шо добродѣтель не имѣешь защитника болѣе ревностнаго и болѣе сильнаго, какъ Краснорѣчіе. Димосоевъ гремѣлъ противъ Филиппа, и принудилъ иди въ изгнаніе Эсхина; Цицеронъ извѣргъ Капилину и заставилъ шрепешать Антонія, повелѣвавшаго сильнымъ воинствомъ.“ Такъ, истина бываешь всегдашнею спутницею, а здравый разумъ руководителемъ Вишій, чувствующаго свое достоинство. Его

(*) Orator vehemens sit ut procella, excitatus ut torrens, incensus ut fulmen, tonat, fulgurat, et rapidis eloquentiae fluctibus cuncta proruit et proturbat. Cicero.

(**) Orator sit vir bonus, dicendi peritus. Quint.

спрашишь одна мысль дойти до униженія бытъ льстецомъ. Съ Философомъ Анаксагоромъ восклицаетъ онъ: *не возьму ста бочекъ золота за одну каплю мудрости!* Съ Астрономомъ Кеплеромъ говоришь: *цѣлое Княжество готовъ я отдать за одно благородное чувство.* — Чѣмъ обладать истиннымъ краснорѣчїемъ, надобно опличаться числою памѣрнїей, нѣжностію чувствованїй, любовїю къ благоустройству и порядку, праведнымъ негодованїемъ прошиву злоупотребленїй и развраща, приверженностію къ Опечеству, состраданїемъ къ несчастїю, заботливостию о благѣ общественномъ, пламенною ревностию ко всему полезному, глубокимъ уваженїемъ къ семейственнымъ и гражданскимъ добродѣтелямъ, ко всему, составляющему предметъ общаго почтенїя; кратко сказать, чѣмъ заслужишь имя великаго Писателя, надобно бытъ орудїемъ всеблаготворенїя Провидѣнїя. Безъ сихъ качествъ, подобно пилицѣ, привязанной къ землѣ, не поднимемъ мы на высоту здравомыслїя; подобно плавашелю въ ладїѣ, прикрѣпленной къ берегу, не доплывемъ до святилища, въ копоромъ хранится даръ Краснорѣчїя. Можемъ ли мы бытъ защитниками добродѣтели, не бывъ проникнутыми божественною ея силой, и содѣйствовать общей пользѣ, не питая въ душѣ своей любви къ ближнимъ? можемъ ли споспѣшествовать распространенїю просвѣщенїя, не основывая сужденїй своихъ на высокихъ истинахъ, священнѣйшихъ для всего человѣчества? можемъ ли наконецъ успѣть въ преклоненїи другихъ къ тому, что составляетъ истинное наше счастье, не направляя воли своей къ существеннымъ потребностямъ души безсмертной?

Кромѣ нравственныхъ качествъ Орактору потребны и умственные. По мнѣнїю Квинтиліана (*), онъ долженъ бытъ обогащенъ познанїями всякаго рода. Для него столь же необходимы природныя дарованїя, какъ и наука. Первыя содержатъ въ себѣ источникъ краснорѣчїя, а послѣдняя дѣлаетъ прочными и вѣрными средства, коими оно приводится въ дѣйство. Писатель,

(*) Omnibus disciplinis et artibus debet esse instructus Orator.

давая свободу своимъ понятіямъ , сужденіямъ и умствованиямъ , а особливо если прибѣгаешь и къ помощи воображенія , долженъ совѣщываться съ предписаніями науки. Что безъ нее дарованія ? свѣшпильникъ подъ спудомъ ; алмазь , въ грубой корѣ сокрытый. Правила — сіи наблюденія , собранныя Аристоцелеми , Цицеронами , Квинтилианами и Гораціями — необходимо нужны : безъ нихъ никогда не дозрѣвають плоды просвѣщенія ; съ ними только могутъ возмужать Писатели. Слаба и бѣдна практика при недостаткѣ теоріи. Пусть вооружаешь , кто хочешь , прошиву Рипорикъ и Пипикъ , называя ихъ оковами , гнѣущими дарованія , останавливающими полень Геніевъ ; но умъ человѣческой надолго бы дремалъ въ колыбели , если бы не обращалъ вниманія на опыты , почеркнутые изъ природы человѣка и его произведеній. „Если правила суть не что иное , какъ изящныя чувствования , приведенныя въ порядокъ , то можно ли обойтись безъ нихъ ? если въ нихъ заключающіяся наблюденія , скопленныя вѣками и оправданныя многократными опытами , то можно ли считать ихъ излишними (*) ? “ Пусть стоятъ правила въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ сочинителя , чтобы не спѣснятъ его свободы ; но все долженъ онъ обращать на нихъ свои умственные взоры и повѣрять ими всякое свое произведеніе , чтобы предохранить себя отъ погрѣшностей. Пошребны душеуказатели на спезь , ведущей въ спрану отдаленную : необходимы и руководители при размышленіи о важныхъ предметахъ. Безъ первыхъ путешественникъ не дойдетъ , или поздно придетъ къ своей цѣли : безъ послѣднихъ Писатель не скажетъ , что нужно , или скажетъ , что не нужно ; впадетъ въ излишество краткости или плодовитости , и нарушитъ точность , важное достоинство всякаго сочиненія. Безъ наблюденія правилъ у самыхъ Геніевъ , на ряду съ краснорѣчивѣйшими мѣстами , блистающими въ ихъ швореніяхъ , являющіяся иногда неизвинительныя погрѣшности прошиву слога , признаки небрежности и безвкусіи. Въ эпомъ виняшь Англійскіе крипики своего Шакеспира и Мильтона. Геній можетъ возноситься самъ собою , это правда ;

(*) Мнѣніе Лагарпа.

но имѣть нужду въ швердой подпорѣ, чтобы не упасль, и въ вѣрномъ руководствѣ, чтобы избѣжать грубыхъ неровностей. Сію подпору, сіе руководство соспавляютъ правила: онѣ сообщаютъ Писателю выборъ и порядокъ, занимательность и разнообразіе какъ мыслей, такъ и выраженій.

Между науками, пошребными для Орашора, важнѣйшее мѣсто занимаютъ *Философія* и *Исторія*. Первой одолженъ онъ шѣмъ, что приобрѣтаетъ обо всемъ ясныя понятія, а опъ ихъ переходить къ здравымъ сужденіямъ и основательнымъ умствованиямъ, и шакимъ образомъ, просшираясь опъ легчайшаго къ шруднѣйшему, все печеніе мыслей приводитъ въ порядокъ и связь неразрывную. У Древнихъ способность хорошо мыслить и способность хорошо говорить были въ совершенномъ равновѣсіи и шѣсномъ соединеніи. Аристотель, положившій краеугольный камень наукъ Випійствва и до самыхъ началъ ея доискавшійся, доказаль, что Логика естъ основаніе Риторики, и что нѣтъ Краснорѣчія безъ убѣжденія. Это неоспоримо. Сшараясь дать словамъ правильный оборотъ, въ то же время заботимся приводить въ порядокъ свои мысли; а при ясномъ понятіи приучаемся и къ ясному ихъ выраженію. Сію истину подтверждаетъ Горацій, говоря:

Искусство мыслишь — ключъ къ искусству сочиняшь.

Что касается до *Исторіи*, то и въ ней Орашоръ очерпаетъ важныя пособія. Указуя ему на обширное поле событій и примѣровъ, заключающихъ въ себѣ изящное нравоченіе, она, кажешся, говоритъ ему: „Избирай и пользуйся; мое богатство неистощимо. Много было жашелей на моей нивѣ; но оспашся еще множество неподобранныхъ класовъ; уполай ими гладъ своего любопытства!“ — и Орашоръ съ обильныхъ ея владній собираетъ все, что шолько можетъ способствовать къ убѣденію въ справедливости предлагаемой имъ истины и въ возможности исполненія оной — все, что можешь служишь къ удовлетворенію любопытства, пускающагося во глубину опдаленной древности,

и къ возбужденію вниманія, благоговѣющаго къ лицамъ знаменитымъ и событіямъ достопамятнымъ.

Обогащенный свѣдѣніями, изъ наукъ почерпаемыми, и основательнымъ знаніемъ своего языка, Орашоръ, для изкорененія спрассей низкихъ и вредныхъ, для возбужденія чувствованій благородныхъ и возвышенныхъ, долженъ бытъ искусенъ и въ *знаніи челоѳческаго сердца*, побудительныхъ причинъ каждой спрасси, впечатлѣній и дѣйствій, ею производимыхъ; въ знаніи расположеній души, зависящихъ отъ природныхъ способностей, отъ воспитанія, навыковъ и приспращій. Сообразуясь съ характеромъ, званіемъ и возрастомъ шѣхъ, къ кому обращается рѣчь его, не щещно будещъ онъ льстить себя надеждою убѣдить другихъ; ибо наблюденіе сихъ отношеній даещъ силу его мыслямъ, пылкость чувствованіямъ, увлекаемость выраженіямъ. Иначе, былъ бы онъ подобенъ охотнику, кошорый спрѣляетъ не прицѣлившись — или путешественнику, кошорый, не швердо зная дорогу, забываетъ взять съ собою и необходимыя пошребности. Орашоръ, со всѣхъ споронъ умѣющей разсманривать свой предметъ и изъ всѣхъ относящихся къ нему обстоятельство соспавлять какъ бы одно спройное шѣло, вездѣ достигаетъ своей цѣли. Описываетъ ли онъ что пріятное и любезное? — Новостію мыслей и живостью выраженій пѣняетъ и восхищаетъ. Изображаетъ ли величественное? — Возбуждаетъ изумленіе въ умѣ, благоговѣніе въ сердцѣ. Дѣйствуетъ ли на чувствительность души? — Пошрясаетъ ее жалостью и состраданіемъ. Предсавляетъ ли безобразіе и гнусность порока? — Поражаетъ ужасомъ. Сердечная увѣренность въ шомъ, о чемъ говоритъ, всегда одушевляетъ рѣчь его — и надъ кѣмъ не подѣиспвуетъ его убѣжденіе? Искусство, посредшвомъ знанія склонностей и характера другихъ, пробуждашь въ нихъ чувствованія, сообразныя съ намѣреніемъ своимъ, знаетъ онъ споль же хорошо, какъ зналъ оно Аннибаль, кошорый, по увѣренію Тита - Ливія, предводителшвуя разноплеменными воинами, прибѣгалъ и къ средешвамъ различнымъ, чшобы возбуждашь въ нихъ мужество въ битвахъ

съ непріятелями: въ Галлахъ пробуждалъ онъ ненависть къ Римлянамъ; Лигурійцевъ обольщаль плодоносными полями Италіи въ замѣну камениспыхъ горъ, среди конхъ они обихали; Мавришянъ и Нумидянъ успрашалъ жестокостію Царя ихъ, Массиниссы; Карагенянъ убѣждалъ защищашъ пенановъ и прахъ ошцевъ ихъ; инымъ обѣщаль богашую добычу. — Такъ дѣйствуешъ Випіа, умѣющій проникать во глубину челоуѣческаго сердца.

Три обязанности предлежатъ Орашору: *изобрѣтеніе*, *расположеніе* и *выраженіе* или изложеніе. „Умѣнье изобрѣшашъ, располагашъ и выражашъ свои мысли,“ говорихъ Цицеронъ — „принадлежнихъ истинному Орашору.“ Домовиный хозяинъ, желающій воздвигнушъ зданіе, обдумываешъ планъ, чшобы каждой часши назначихъ свое мѣспо и проспрашшво; изъ машеріаловъ, расположенныхъ и связанныхъ по правиламъ здчешсва, сосшавляешъ неразрывное цѣлое; наконецъ занимается приличною опдѣлкой, шребующею внушренныхъ и виѣшнихъ украшеній: и Писатель при помощи размышленія зорко обозрѣваешъ свой предметъ, предшсшавляешъ въ умѣ всѣ идеи, къ нему близкія, и опкрываешъ въ немъ што, чшобы болѣе всего можешъ служихъ къ его обьясненію и возвышенію; попомъ сужденія свои приводихъ въ надлежащую полную и неразрывный порядокъ, а раздробленіе часшей въ совокупность; напоследокъ чрезъ искусшвенные обороты слога придаешъ машеріи своей видъ новости заманчивой и привлекашельной. *Изобрѣтатъ* значихъ предшсшавляшъ въ умѣ своемъ мысли, родшсшвенныя предмету слова; значихъ исключительно заняшся онымъ, чшобы не просмолрѣшъ ничего и все нужное придумашъ. „Достоинство рѣчи опкрываешся въ *изобрѣтательности* (*), изобрѣшашельность ведешъ къ распросшраненію, а при распросшраненіи, болѣе въ силѣ, нежели въ числѣ выраженій сосшоящемъ, наблюдаешся, чшобы не было опущено ни одной сущешвенной принадлежноти, опносящейся къ дѣлу и способешвующей къ его раскрышю и подкрѣпленію.“ — Подобно водолазу, ныряющему въ морѣ до шѣхъ

(*) Мысль Квиншлліанова.

поръ, пока не найдетъ драгоценности, Писатель обязанъ проникать во внутренность предмета, чтобы найти искомое богатство мыслей и получить не соломенки, на поверхности плавающія, но жемчугъ, на днѣ сокрытый. Дѣло разсудка — съ помощію остроумія и проницательности сравнивать отношенія между вещами, ихъ дѣйствіями и качествами. Если остроуміе будетъ опыскивать сходства, а проницательность — различія: то не только рѣзкія, но и тонкія черты, не только признаки, но и отличительныя свойства, сокрытыя въ предметѣ, не упаятся опъ ихъ взоромъ. И такъ усиліемъ продолжительнаго вниманія на предметъ рѣчи, сближеніемъ всего, могущаго придасть ему полновѣсность и силу, или, лучше сказать, совершеннымъ его присвоеніемъ, приобретаеся обиліе мыслей. Опъ выбора ихъ зависишь главное достоинство сочиненія. Если получимъ о своей матеріи понятія, способныя произвести въ душѣ продолжительное впечатлѣніе; если къ зрѣлости размышленія присоединимъ и жаръ чувствованія: то мысли наши опличатся силою и выразительностью. Гдѣ говоритъ сердце, шамъ слова дышатъ жизнью. Если же мысли будутъ соотвѣтствовать предмету, ими изображаемому, и опъ сего согласія предметъ представится безъ ограниченія, во всемъ пространствѣ: то на нихъ будетъ наложена печать естественности и истины.

Но не одинъ умъ занимается изобрѣженіемъ: ему помогаетъ и *память*, сіе сокровище мыслей, по выраженію Цицерона (*). При изложеніи описанія или повѣствованія, надобно прибѣгать къ той способности, которая осуществляетъ прошедшее — къ тому началу воображенія, коего сила еще не увеличилась: къ памяти. Для нея минувшее становится настоящимъ. Она предлагаетъ все, что изобрѣлъ умъ, открыло наблюденіе, все, чему научили время и опытъ. Съ нею возобновляемъ все, прежде слышанное и видѣнное нами; чрезъ нее снова представляется все, что нѣкогда мы чувствовали и читали. — Прибѣгая

(*) Memoria thesaurus est mentis. Cic. de Oratore.

къ хранишельницѣ приобрѣщенныхъ знаній и расподагая ими по внушенію благоразумія, подобно Сократу, дѣйствовавшему по внушенію своего Генія — мы не будемъ имѣть недоспашка въ изобрѣшеніи, особливо если одарены изобрѣшательностію, какъ удѣломъ пылкихъ дарованій.

Пользуясь услугами памяти, можемъ иногда прибѣгать и къ той способности, посредствомъ коей представляемъ себѣ то, чего никогда не видали, и видимъ, чего нѣтъ предъ нашими очами. *Воображеніе*, сія рука ума, по выраженію Свифта, простирающаяся за предѣлы бытія, но не за предѣлы возможности — способность, облекающая понятія въ чувственныя образы, отдаляющая близкое и сближающая отдаленное, плѣнительными очарованіями своими украшающая всякой предметъ, имѣющая вліяніе на все, что любимъ или ненавидимъ, чему удивляемся и чего спрашимся — сія способность можетъ быть полезна и для Оратора. Хотя Поэты, для которыхъ мысль то же, что для живописца рисунокъ, а чувство — краски (*), имѣютъ неосъемлемое право на крыльяхъ воображенія переноситься въ шуманную даль мечтаній; хотя Тассамъ и Мильтонамъ, любимцамъ Музы и Грацій, приличіе роскошествовать богатствомъ вымысловъ, плѣнять живостію и легкостію своихъ красокъ; но и Витія, желающій одушевить рѣчь свою плѣнительными цвѣтами и разительными описанками, не отказывается пользоваться сокровищами воображенія. Благоразуміе и оспорожность не допускають его выступать за предѣлы умѣренности; а образованный вкусъ, какъ опытный распорядитель, назначитъ его украшеніямъ число, вѣсъ и мѣру.

Вкусъ есть тонкая разборчивость ума, соединенная съ вѣрнымъ и быстрымъ ощущеніемъ красоты между недоспашками и недоспашка между красками въ швореніяхъ разсудка и произведеніяхъ искусства. Для него не довольно видѣть и знать изящество сочиненія: онъ ошличаетъ различныя описанки его

(*) Ut pictura, Poësis. Hor.

достоинства, ибо ничто не украсится опъ его прозорливости — онъ умѣеть чувствовать красоту, умѣеть наслаждаться ею. Преимущество вкуса — правильность и нѣжность. Первая зависитъ опъ дальновидности ума, другая опъ силы чувствованія. Природа и наука равно содѣйствуютъ къ образованію вкуса. Посредствомъ сей высокой способности Вишя видитъ, слышитъ и чувствуетъ то, что ускользаетъ опъ вниманія людей менѣе зоркихъ и проницательныхъ: умѣеть отличать посредственное опъ изящнаго, поддѣланное опъ подлиннаго, приобретенное опъ врожденнаго; съ подробностію изслѣдываетъ причины превосходства или несовершенства; наслаждается тѣмъ, что производитъ въ душѣ впечатлѣніе пріятное; указываетъ вѣрныя средства къ поправленію недоспашковъ, и произноситъ похвалу или осужденіе съ соблюденіемъ скромнаго безпристрастія. Опредѣляя достоинство изобрѣтательности и остроумія ума человеческого, показываетъ, чему подражать и чего уклоняться должно. Толь благородный цѣнщикъ или критикъ — ибо критика есть оцѣнка, на правилахъ вкуса основанная, умѣющая одобрять и порицать разсудительно — можетъ ли быть обольщена украшеніями ложными, сколь бы блистательны онѣ ни были? можетъ ли не замѣтить высокихъ мыслей, хотя бы онѣ загромождены были безискусственными выраженіями? можетъ ли опказать въ справедливой хвалѣ шаланшу, хотя бы зависть старалась затмить блескъ онаго?

Вкусъ, составляющій собственность Орапора, сближается съ *Геніемъ*, счастливымъ соединеніемъ дарованій, божественнымъ вдохновеніемъ, какъ называли его Древніе, и живопворнымъ пламенемъ, вкусомъ освѣщающимъ и согрѣвающимъ. Опличительныя его свойства: неушомимая дѣятельность, неодолимое стремленіе къ наукѣ, которую распространить и усовершенствовать ему предназначено; быстрая проницательность ума и возвышенность духа, претвыше всего поставляющая сокровище знаній, полезныхъ человечеству. Избранный любимецъ истины и изящности, ускоряетъ онъ успѣхи въ наукахъ и искусствахъ посредствомъ счастливейшихъ

изобрѣшеній и неожиданныхъ открытій. Подобно высокопарному орлу, подъемлется къ первоначальной, свѣтлозарной истинѣ, источнику многихъ истинъ, до коихъ медленно и робко доходятъ обыкновенные наблюдатели, и неудерживаемый никакими преградами, вдругъ устремляется къ своей цѣли, и торжественно достигаетъ оной. Характеръ его кладетъ печать свою на все, къ чему только онъ прикасается. Его глубокомысліе, простираясь въ непроницаемую тѣмноту миноваго и за предѣлы настоящаго, просвѣтляетъ и таинственное грядущее. Упреждая свой вѣкъ, который не можешь идти по слѣдамъ его, оставляетъ далеко за собою умъ, его оцѣнивающій, но въ шествіи всегда ровномъ выходящій изъ единообразія своего существа. Онъ воображаетъ болѣе, нежели сколько видитъ; шворитъ болѣе, нежели сколько открываетъ; увлекаетъ болѣе, нежели сколько ведетъ за собою. Геній одушевлялъ Платоновъ и Декартовъ, Баконъ и Лейбницевъ, Ломоносовыхъ и Державиныхъ. Это Прометей, небеснымъ огнемъ оживотворявшій свои умопроизведенія; это любимцы Минервы, и грубую вещественность умѣвшіе превращать въ существо, жизнию и чувствомъ одаренное.

Возвратимся къ изобрѣтательности ума. Ею отличались древніе Орапоры, справедливо почитаемые Геніями, образцами Краснорѣчія доказательнаго, совѣщательнаго и судебнаго. Имѣли-ль они въ виду похвалу или порицаніе, занимались ли сужденіемъ о полезномъ или вредномъ, клонилась ли рѣчь ихъ къ защищенію или обвиненію — вездѣ рѣкою стекло обиліе ихъ мыслей. Намъ предлежитъ попеченіе руководствоваться ими, не смотря на великое различіе между высшимъ древнимъ и новымъ. „Имъ обязаны мы успѣхами своими въ Словесности — говоришь Шлегель — намъ предоставлена слава равняться имъ — не рабскимъ подражаніемъ, но присвоеніемъ себѣ красотъ ихъ и употребленіемъ въ пользу лучшихъ ихъ швореній, дабы образовать свой вкусъ и въ себѣ самихъ возбудить подобную дѣятельность.“

Изобрѣтательность простирается и на приисканіе *доказательствъ*, основанныхъ на очевидности, выведенныхъ изъ опыта, со-

гласныхъ съ общимъ мнѣніемъ, и потому доспашочныхъ къ подкрѣпленію истины. Доказательства состоятъ въ разборѣ запущанныхъ мнѣній и разрѣшеніи сомнѣній, кои, по большой части, бываютъ слѣдствіемъ сбивчивыхъ понятій, въ объясненіи темныхъ происшествій, въ открытіи обстоятельствъ, шанувшихся подъ завѣсою неизвѣстности. Всякая рѣчь, направленная къ убѣжденію, находитъ въ нихъ твердую опору. Доказательства должны быть ясны, сильны и правдоподобны. Ясность зависитъ отъ правильного и постепеннаго раздробленія цѣлаго на составныя его части и отъ изложенія подробностей, раскрывающихъ дѣло; сила — отъ доспашочныхъ причинъ и умозаключеній, извлекающихъ вѣрныя слѣдствія изъ всѣхъ предшествовавшихъ сужденій или событій; а правдоподобіе — отъ согласія мыслей съ чиномъ природы и съ общепринятымъ о доказываемой истинѣ мнѣніемъ. Если доводы не слишкомъ полновѣсны и важны, — то недоспашокъ ихъ можно дополнить числомъ и постепенностью, т. е. искуснымъ переходомъ отъ слабѣйшихъ къ сильнѣйшимъ, со всею подробностью представленныхъ и объясненныхъ. Къ укрѣпленію доказательства много способствуетъ опроверженіе возраженій. „Противные доводы опровергаются — сказано у Цицерона — когда Ораторъ или прямо доказываетъ несправедливость и неѣдность оныхъ, или отвергаетъ слѣдствія, посредствомъ софизмовъ противникамъ выводимыя, или открываетъ погрѣшности, въ коихъ видно явное отступленіе отъ правилъ здравого смысла, или противъ основательнаго доказательства высказываетъ другое, болѣе основательное.“

За избрѣженіемъ слѣдуетъ *расположеніе*. Порядокъ составляетъ душу уменственныхъ и искусственныхъ произведеній: отъ него и посредственное становится хорошимъ, и хорошее представляется въ илѣнительнѣйшемъ видѣ. Нѣтъ такой изящности, которая не утратила бы красоты своей отъ небрежнаго расположенія; нѣтъ такой недоспашка, которой бы не могъ быть прикрытъ правильнымъ размѣщеніемъ частей: Одной стройности свойственно разливать яркій свѣтъ на всякое сочиненіе, возбуждать и питать любопытство, умножать чувствованіе удовольствія.

Въ залахъ огромнаго зданія, гдѣ разложены были художественныя издѣлія, недавно разсмаширивали мы прекрасныя плоды трудолюбія и изобрѣшательности челоука, ошъ простыхъ и малоажныхъ ошкрышій умѣшнаго дошши до многосложныхъ и важнѣйшихъ; обозрѣли предметы, придуманные со всею рачительностью досужества, обработанные со всею точностью искусства, для удовлешворенія прихотливыхъ шребований роскоши, и въ лучшемъ порядкѣ разсавленные по правиламъ разборливаго вкуса. Какое же впечатлѣніе чувствовали мы ошъ шого въ душѣ своей? Глубокое и сильное, въ которомъ себѣ и другимъ можемъ дать ошчешъ вѣрный и подробиый. Ошъ порядка въ войскѣ, ошъ назначенія каждому воину дѣйствовать въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, зависящъ успѣхъ оружія. Кто-жъ даетъ ошройное распредѣленіе всему, входящему въ военное искусство? Предусмотрительный и опытный военачальникъ. Такъ дѣйствуетъ и Орапоръ для опроверженія всего противнаго истины. Размѣшивъ часши цѣлаго въ шакомъ порядкѣ, чшобъ ошъ могли производить сильнѣйшее впечатлѣніе въ слушателяхъ; приаровивъ къ произведенію Краспорѣчія сказанное Гораціемъ: *всему назначай приличнѣйшее мѣсто* (*), выполняешъ ошъ шребованіе своего искусства. Расположеніе его сочиненія бываетъ ешественное, или искусственное. Ошъ соблюдаетъ первое, если, замѣшивъ взаимное отношеніе понятий какъ въ соснахъ цѣлаго, шакъ и во всякой ошдѣльной часши, предсавляетъ свои мысли раждающимися одну ошъ другой; соблюдаетъ и послѣднее, если, сообразно съ правилами здраваго умешования, размѣщаетъ мысли шакъ, чшо каждая изъ нихъ кажется слѣдствиемъ, безошибочно выведеннымъ изъ предъидущей.

При расположеніи многихъ предметовъ, нерѣдко входящихъ въ сочиненіе, Орапоръ умѣетъ дѣлать *разнообразіемъ* оныхъ; но при самомъ разнообразіи не забываетъ наблюдать *единство*, ш. е. направленіе всего къ единой цѣли. Искусный живописецъ придастъ каршинѣ своей ошличное достоинство и цѣну, когда, при соблюденіи надлежащаго размѣра и правильной рисовки,

(*) Singula quaeque locum teneant sortita decenter. Hor.

одно опличить яркостью колеровъ, а другое свѣтло-тѣнью, одно представить въ ближайшемъ, а другое въ дальнѣйшемъ отъ зрителя разстояніи, и при всемъ многообразіи предметовъ, при всей разности ихъ ощѣлки, не выпустишь изъ виду главной мысли и намѣренія, одушевляющаго кисть его. И Орапоръ, съ разныхъ сторонъ показывая свой предметъ, увеличиваетъ его дѣйствія; или въ постепенности представляя многіе, расширяетъ кругъ своихъ мыслей и усиливаетъ вниманіе слушателей. Разнообразіе сливается у него въ единство, когда вездѣ видно, какое чувство одушевляешь его, къ какой цѣли рѣчь его спремился. — „Во всякомъ искусственномъ произведеніи разнообразіе и единство необходимо нужны: первое усиливаетъ дѣятельность духа, а послѣднее предлагаетъ ему нѣкоторое отдохновеніе; безъ перваго мысли приходятъ въ истощеніе, безъ послѣдняго теряются въ безпредѣльности (*).“

Всякое внѣшнее сочиненіе, правильно расположенное, имѣетъ въ виду *дѣйствовать на разумъ и сердце* слушателей. Разумъ питается истинами, сердце чувствованіями. Убѣждаешь въ первыхъ и возбуждаешь послѣднія обязанъ Орапоръ. „Истинное Краснорѣчіе всегда убѣждаетъ, но убѣждаетъ тогда, когда прогаешь; прогаешь же не инымъ чѣмъ какъ понятіями, говорящими сердцу (**).“ И посредственныя мысли, согрѣшныя живымъ чувствованіемъ, пріятны; и прекрасныя безъ чувствованія, какъ свѣтъ безъ теплоты, не нравятся. И такъ дѣло Витіи — необыкновенными, потрясающими душу оборотами рѣчи, преклоняешь другихъ къ своимъ мнѣніямъ и ощущеніямъ. Съ какимъ чудеснымъ успѣхомъ дѣйствовали на поприщѣ благовѣствованія прославившіеся святостію жизни и истиннымъ просвѣщеніемъ духовные Витіи: Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ, Амвросій Медиоланскій! Изучая Аѳинской Философіи и Риторикѣ, оспаривали они софизмы діалектиковъ, мечемъ истины разсѣкали заблужденія, словами

(*) Мнѣніе Ансильона.

(**) Мысль А. С. Шишкова.

и дѣлами очищали правовѣріе отъ ересей. Отъ высокихъ предметовъ рождались выпрєннїя мысли, возносившія ихъ превыше всего земнаго. Кто лучше сихъ краснорѣчивыхъ Учишелей Церкви разсуждалъ о жизни и смерти, о времени и вѣчности? Кто живѣ изображалъ брєнность челоуѣка и неизмѣняемость Бога, ничтожность земнаго величія и возвышенность души, украшенной благочестіемъ? Кто искуснѣ снималъ темную завѣсу съ очей грѣшниковъ, пробуждалъ ихъ отъ усыпленія, приводилъ въ умилєніе сердца, проникнутыя раскаяніемъ, и озарялъ ихъ благодушнымъ свѣшомъ Христіанскаго возрожденія? „Доспохвальны пруды сихъ духовныхъ Вишій: они употребляли Риторикѣ не на софистическіе предметы, что по большой части случалось у Грековъ, а на развишіе испинъ самыхъ спасительныхъ и правоученія самаго чистаго (*).

Таковы были сіи Свѣшильники Церкви. Не чудеснымъ ли даромъ краснорѣчія обладалъ Василій Великій — коего жизнь, по словамъ Григорія Назіанзина, его друга, была молніей, а ученіе громомъ — когда учишеля своего язычника Еввула убѣдилъ къ принятію Христіанской Вѣры, и заслужилъ отъ него имя *небоуленнаго*? Не поставилъ ли себя выше всѣхъ Вишій древнихъ и новыхъ Св. Злашоушъ, когда изъ ошдаленнѣйшихъ спранъ привлекалъ многочисленныхъ слушателей, которые не могли насышиться его поученіями, — и скорописцевъ, которые, почипая злашомъ слова его, спарались не проронить ни одного изъ нихъ; когда бесѣдами своими о милосердіи возбуждалъ въ слушателяхъ шоль великое состраданіе къ бѣднымъ, что они при выходѣ изъ храма ошдавали имъ не шолько деньги, но и самыя одежды свои? Не предспавилъ ли великій примѣръ Пасшыря, одареннаго всею силою краснорѣчія, Амвросій Медиоланскій, когда въ Оеодосіѣ Великомъ возбудилъ благодушное чувство раскаянія и смиренія для заглаженія жестокости, съ какою поступлено было съ жипелями Оес-

(*) Мнѣніе Шлегеля.

салоникін? — Честь и слава трудамъ сихъ великихъ Пастырей, подъяшымъ въ прославленіе Вѣры, въ назиданіе человѣчества!

Орашоръ, избрѣпленные мысли приведши въ правильное расположеніе, наконецъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность приличнымъ слогомъ *выразитъ* оныя. Сколько нужны для дерева листья, доставляющіе ему краевый видъ, а плодамъ покровъ и защиту, столько же нуженъ и слогъ для облечения нашихъ мыслей, соотвѣтственный простотѣ или важности предмета. Первымъ достоинствомъ слога почитается *ясность* (*). Умѣй избирать приличные, употребительныя выраженія; каждому предложению и періоду назначай свое мѣсто; представь ихъ во взаимной связи — и рѣчь будетъ вразумительною. всякой пойметъ ее легко и свободно. „Рѣчь, по мнѣнію Квинтилиана (**), подобна монетѣ: надобно употреблять только ту, на которой видно общенародное начертаніе.“ — Для кого не будетъ вразумительнымъ сочиненіе, въ выборѣ словъ и размѣщеніи частей своихъ правильное? Но въ комъ не произведутъ сбивчивости и темноты разбросанныя реченія, чуждыя выразительности и убѣжденія? „Гдѣ разстроены порядокъ, гдѣ прерваны узы, служащія къ соединенію мыслей и выраженій, тамъ уничтожаются ясность и сила, подобно какъ отъ несообразности членовъ исчезаетъ красота шѣла“ — такъ думалъ Лонгинъ, знаменитый Греческій Критикъ.

Сверхъ ясности необходимою почитается *точность*, которая требуетъ, чтобы выраженій употребляемо было не менѣе и не болѣе того, сколько нужно для яснаго представленія мыслей. Для соблюденія сего достоинства рѣчи, надобно держаться златой Гораціевой *средины*, предохраняющей какъ отъ излишняго обилія, такъ и отъ излишней краткости. Первое ослабляетъ силу словъ, развлекаетъ вниманіе, не насыщаетъ, а пресыщаетъ умъ, слѣдственно обременяетъ его. Последняя, подъ темною за-

(*) Nobis sit prima virtus perspicuitas. *Quintil.*

(**) Utendum sermone ut numo, cui publica forma est. *Quint.*

вѣсою неизвѣстности скрывая то, что надлежало бы видѣть, оп-
 нимаешь ясность. Если рѣчь будетъ загромождена многими допол-
 неніями и непомѣрными изъясненіями, то сдѣлается столь же
 слабою, какъ вино, безъ мѣры разведенное водою (*); а когда не
 будетъ дополнена потребными къ ея объясненію выраженіями, то,
 подобно узкому плащю, сжимающему тѣло, сплѣснешь главныя
 мысли. По скользкой пропикѣ идетъ Писатель; переспунитъ ли
 за чершу точности — впадетъ во многословіе и высокопарность,
 или въ мѣлочныя подробности. Будемъ же подражать искусному
 садовнику, который подчищаетъ или обрѣзываетъ излишніе по-
 бѣги у дерева (**), и орошаетъ пишательной влагой корень, по-
 крытый сухою землею.

Писатель, соблюдающій точность, не выпустишь изъ вида
 и *приличности*, состоящей въ употребленіи словъ, соотвѣст-
 ствующихъ намѣренію, роду сочиненія, обстоятельству времени
 и мѣста. Отъ приличія зависитъ равновѣсіе слога: оно
 представляешь понятія не въ превращномъ, а въ настоящемъ
 видѣ, не въ половину, но въ полномъ объемѣ. Наблюдая отно-
 шеніе и сходство между мыслями и предметами, мы сохранимъ
 отношеніе и сходство между выраженіями и мыслями. Тогда важ-
 ныя мысли представляются во всемъ своемъ возвышеніи, просныя
 во всей естественности, блистательныя во всей красѣ, сильныя
 во всей выразительности.

Къ достоинствамъ слога, по мнѣнію Квинтилиана, отно-
 сяется исправность и изящество, а по мнѣнію Бюффона, поря-
 докъ и движеніе; но сіи потребности хорошаго слога, равно
 какъ чистота и плавность, не включающа ли въ ясности,
 точности и приличія? Соблюдая сіи преимущества рѣчи, забу-
 деть ли Писатель зрѣло обдумывать свою матерію, приводить
 выраженія въ правильное сочетаніе, частіи въ соотвѣстивность

(*) Мнѣніе Эрнестія.

(**) Ramos compece fluentes. *Horat.*

и естественное отношеніе къ цѣлому, все сочиненіе въ очевидное направленіе къ одной цѣли? забудеть ли одушевлять рѣчь свою живостью и быстрою, зависящими отъ проицательности ума, или отъ пылкихъ чувствованій, или отъ порывовъ воображенія, чшобъ увлекашь силою причинъ дѣйствующихъ и конечныхъ, объяснять разнштельными противоположеніями и подобіями, плннять смѣлыми метафорами и рѣзкими изображеніями? Кому-жь изъ опечесственныхъ Писателей припишемъ такой талантъ, такое искусство въ Краснорѣчїи? Образователю нашего языка, отцу Россійскаго Витїйства — Ломоносову. Имъ указана сокровищница, въ коей хранилось богатство Русскаго слова; имъ постигнуша тайна приличнаго сочетанія Богослужебнаго языка съ общенароднымъ. Всякой предметъ умѣлъ онъ изображать приличными красками: о маловажныхъ вещахъ говорилъ просто, о посредственныхъ умѣренно, о великихъ важно и краснорѣчиво (*), слѣдственно заслужилъ имя Орашора. Какъ изслѣдователь природы и Философъ, умомъ проицательнымъ углублялся онъ въ испытаніе сокровенныхъ силъ ея и прокладывалъ себѣ путь во внутренность земли и въ высоту неба; какъ Лирической Поэшь, одушевленный восторгомъ, чудесною игрою воображенія приводилъ въ восхищеніе слушателей; какъ Орашоръ, при основательномъ знанїи своего языка, все подводилъ подъ размышленіе зрѣлое, все повѣрялъ вкусомъ разборчивымъ. Безприсрасшные цѣнители талантовъ приписываютъ ему чудесное искусство высокія мысли и сильныя чувствованія облекашь въ одежду, важности ихъ сорасмѣрную, и сообщать оныя другимъ въ той же силѣ, въ какой самъ онъ мыслилъ и чувствовалъ. Въ Орашорскихъ Рѣчахъ его видяшь они изобрѣтательность плодотворную, расположеніе правильное и связное, выраженіе самоцѣльное и блистательное. Отъ того и періоды, богатые и роскошныя, въ полношѣ и великолѣпїи едва ли уступающіе Цицероновымъ, ознаменованы у него печашю единства, выразительности и стройности. Достоинство сей искусственной

(*) *Is erit eloquens, qui parva submisse, media temperate, magna graviter dicere potest. — Cic.*

рѣчи весьма удачно выдержалъ онъ въ похвальныхъ Словахъ Петру I и Елисаветѣ — въ сочиненіяхъ образцовыхъ, отличавшихся словомъ благороднымъ и величественнымъ, сообразнымъ величию бессмертнаго Монарха и достойной Его Дщери. Мысли и выраженія Вишніи съ начала до конца текутъ и переливаются, какъ струи рѣки, обильной водами. Правило Гораціево: „умѣй чувствовать самъ, чтобы другихъ заставить чувствовать“ — соблюдено имъ въ точности. Зная, что пылъ спрассей благородныхъ, одобряемыхъ разсудкомъ, есть источникъ всего великаго въ жизни и краснорѣчіи, Панегирисъ нашъ былъ, такъ сказать, весь въ огнѣ — и трудно ли ему было воспламенить въ слушателяхъ сильныя чувствованія благоговѣнія; удивленія и благодарности къ высокимъ Предметамъ своего вишійства? Рѣчь его, какъ ошголосокъ души, принимала все измѣненія мыслящей способности, очевидно представляла черты дѣйствовавшей въ немъ силы невидимой, роскошествовала цвѣтами краснорѣчія, изобиловала пѣвительными картинами и даже услаждала слухъ благозвучіемъ. Гдѣ всякой Писатель сказалъ бы мало или слабо; тамъ у Ломоносова слова спремашся съ неистощимою плодотворностью не столько ошъ напряженія силъ умственныхъ, сколько ошъ избытка сердца, которое такъ исполнено было чувствованіи, что почти каждая мысль выражалась у него не иначе, какъ обширною периодическою рѣчью. Что въ другихъ, современныхъ ему, Писателяхъ шалоось близъ корня подъ землею, то у него распускалось, и въ полномъ цвѣтѣ благоухало. Хотя обиліе выраженій у нашего Орашора иногда переходитъ мѣру, затрудняетъ вниманіе и даже ошнимаетъ ясность; но сіе излишество, извиняемое богатствомъ мыслей, доказываетъ, что онъ, образовавъ свой языкъ по языку Римлянъ, прославившихся Краснорѣчіемъ, увлекался подражаніемъ Цицерону и младшему Плинію. Если попадаются у него обороты, близкіе къ Нѣмецкому словосочиненію — это доказываетъ, что онъ, одушевляемый благородною ревностію обогатить ошечественное слово новыми выраженіями, у Германцевъ искалъ красоту, невѣдомыхъ Русскимъ. — Но моимъ ли слабымъ силамъ оцѣнить великія заслуги Ломоносова въ ошечест-

венной Словесности? Талантъ, равный его паланту, пошребенъ къ изображенію оныхъ. Тотъ выше обыкновенной похвалы, о комъ можно сказать по же, что сказано объ одномъ знамени-томъ Римлянинѣ: „онъ ничѣмъ не одолженъ своимъ предкамъ; онъ сынъ самаго себя (*videtur ex se natus*)“.

Говоря о Краснорѣчїи и главныхъ обязанностяхъ Оратора, можемъ ли мы обойтись безъ того, чтобы не начать и не кончить рѣчи нашей своимъ именемъ, безсмертный Ломоносовъ? Тебя уже нѣтъ; но творенія твои живы, и имя твое не изгладится изъ памяти благодарныхъ любителей Словесности, доколь сіяшь будешь слава Россїи. — Какъ въ чистомъ источникѣ, во всѣхъ произведенїяхъ твоихъ видны разнообразныя отрасли учености и обширныя свѣдѣнія, предѣлы наукъ и искусствъ распространившія. Всѣ — и начинающіе вступать на поприще знаній, впекающихъ въ Словесность, и успѣшно совершившіе путь свой, вѣнчаютъ себя въ необходимую обязанность почерпать изъ твореній твоихъ: одни — млеко, другіе — твердую пищу. Въ тебѣ видимъ мы опытнаго руководителя, съ которымъ вспрѣчаемся при пути, вѣдущемъ въ разныя стороны, и который, указуя намъ вѣрную спезю, говоритъ: „идите по ней — и достигнете своей цѣли!“ Да будутъ же навсегда открыты предъ нами творенія твои, запечатлѣнные ораиторскими дарованїями! да будешь геній твой присутственъ въ семъ святилищѣ наукъ и своимъ вдохновенїемъ да сообщаетъ силу и красу слова преподавателямъ и слушателямъ просвѣщенїя! Тебѣ да подражаютъ они въ преодоленїи величайшихъ трудовъ, подъятыхъ тобою на пользу опечествленной Словесности!

По изчисленїи существенныхъ обязанностей Оратора, обратимъ вниманїе на самонужнѣйшіе способы къ приобрѣтенїю способности говорить языкомъ краснорѣчиваго убѣжденїя. Природа, ошлечивъ чловѣка, своего любимца, превосходными дарованїями, для усовершенїя оныхъ передаетъ его на руки воспитанїю. Образовать умъ и сердце мыслящаго существа, оживошво-

ришь его чувствованіемъ своего достоинства и умѣнемъ цѣнить выше всего честь и пользу, научишь наслаждаться бытіемъ своимъ — вошь цѣль воспитанія. Для приобрѣтенія шоль драгоценныхъ преимуществъ, вводишь оно питомца своего въ области наукъ, подъ руководствомъ коихъ открываются ему законы и тайны природы. Чѣмъ далѣе идетъ онъ по лѣствицѣ швореній, возводящей его къ престолу Существа Всесошворшаго, шѣмъ живѣ чувствуетъ важность и необходимость своихъ обязанностей въ отношеніи къ Вѣрѣ и благочестію, къ Опечесству и ближнимъ; научаясь познанію самаго себя, узнаешь искусство изучать и другихъ. Тогда мыслишь своимъ даешь онъ направленіе къ одной истинѣ, желаніямъ къ одной добродѣтели.

Любовь къ истинѣ и добродѣтели будетъ приносить плоды вождельные, если мы силою убѣжденія научимся преклоняшь волю другихъ къ избиранію шолько изящнаго, возвышеннаго, общепользнаго. Сію цѣль должны имѣшь въ виду посвятившіе себя Краснорѣчю. Но приобрѣтеніе сего искусства, шребующее обширныхъ знаній, зависишь и отъ непрерывныхъ занятій. Какія же занятія нужны желающимъ успѣшь въ Краснорѣчии? 1. Чтеніе образцовыхъ Писателей, 2. Подражаніе и 3. Упражненіе въ сочиненіяхъ.

Чтеніемъ изощряются всѣ способности души (*). На ея образованіе дѣйствуетъ оно спольже сильно, какъ и примѣры людей благонравныхъ на поведеніе наше. Но какъ не всякая пища служишь къ укрѣпленію нашихъ силъ и здоровья, шакъ и не всякое чтеніе можетъ бышь пишательшо для ума и сердца. Благоразумный выборъ и шпрогая разборчивость при семъ необходимы. Чтеніе должно бышь не бѣглое, а внимательное, приспособленное къ упражненіямъ и склонностямъ нашимъ, соотвѣшественное избранной нами цѣли. Потребно читашь не многое, но многимъ поль-

(*) *Lectionibus instruimur. Bernard. — Breve atque efficax iter per exempla. Quint.*

зоваться (*). Основываясь на эпозь, благомыслящій любитель опечесивенной Словесности почтеть испинно достойными чтенія :

1) Книги Священнаго Писанія. Здѣь откряются предъ нимъ высокія истины, о копорыхъ никакая Философія мечпань не смѣшь, — правила, предъ коими нравоученіе Конфуція, Пиногора и Сенеки покажутся не болѣе, какъ лепешанія младенцевъ, — и подвиги добродѣтели, въ сравненіи съ коими доблести Марка - Аврелія, Сократа и Аристиды будутъ только блестящими слабостями. Такъ возвышенна нравственностъ книгъ Священныхъ ! Славенскій языкъ, на копорой онѣ преложены, какъ ключъ Россійскаго, юному Липперашору отворишь входъ въ сокровищницу, изъ коей будетъ онѣ заимствовать понятія зрѣлыя, чувствованія возвышенныя, слова, при всей краткости своей многозначительныя, при всей простотѣ выразительныя. Вопросимъ первокласныхъ Писателей нашихъ — и они скажутъ : „Богатство мыслей и точностъ выраженій почерпнули мы изъ сего пристошекущаго источника. Отъ корня многовѣшвисаго древа возникли нѣь отрасли, копорыя и для насъ благоухаютъ цвѣтами вишійсва. Даръ слова не вышелъ бы изъ колыбели своей, если бы не принадлежалъ млекому языку предковъ нашихъ.“ Чшобы болѣе удостовериться въ сей истинѣ, послушаемъ Корифесвъ Словесности нашей, проникшихъ до глубины опечесивеннаго языка — послушаемъ Ломоносова и Шишкова. „Спарательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ Славенскаго языка купно съ Россійскимъ — говоритъ первый — опвращаются спранныя слова непосности, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ.“ — „Изъ книгъ Славенскихъ — утверждаетъ другой — научаемся мы знаменованію и производству всѣхъ частей рѣчи, пристошному употребленію оныхъ въ высокому, среднему и простому слогу, свойственному языку нашему изгибамъ и оборотамъ

(*) Non refert, quam multos, sed quam bonos habeas et legas libros. Certis ingenii immorari et innutriri oportet, si velis aliquid trahere, quod in animo fideliter sedeat. *Seneca.*

рѣчей, ясности и важности смысла, плавности, быстротѣ и силѣ словопеченія.“

2) И творенія великихъ Учителей церкви дополняютъ недоспашки вступающаго на полприще Краснорвчія. Углубляясь въ чшеніе Назіанзина и Златоуста, Августина Милонійскаго и Іоанна Дамаскина, Димитрія Ростовскаго и Стефана Яворскаго, Теофана и Гедедона, Тихона, Платона и Анастасія, сихъ благоглаголивыхъ провозвѣстниковъ Воли небесной, какое богатство мыслей и выраженій можешь обрѣсти любитель истины и добродѣтели, какимъ долженъ быть всякой, желающей успѣшь въ искусствѣ возбужданій и въ другихъ любовь къ истинѣ и добродѣтели! Въ писаніяхъ духовныхъ Витій раскроеся для него все, подражанія достойное: и святое нравоученіе, почерпнутое изъ источника Верховной Премудрости, питающее для души безсмертной; и благодатныя ощущенія, проникающія во глубину сердца; и здравомысліемъ укрѣпленныя размышленія, увлекающія къ принятію предлагаемыхъ мнѣній; и разительныя изъясненія, ошлечающіяся болѣе естествовѣдностію, нежели остроуміемъ, убѣдительныя при всемъ удаленіи отъ искусства, а иногда и неожиданныя ораторскія движенія. Не было шоль упорнаго суевѣрія, шоль ухищреннаго лжеумствования, или закоренѣлой спрасши, кои могли бы сопротивляться глаголамъ Благовѣстителей истины. Распворяя бесѣды свои высокимъ ученіемъ Св. Писанія, открывая глубокой его смыслъ, они, какъ искуснѣйшіе врачи, смягчали суровость нравовъ, исцѣляли оныя гибельныхъ предразсудковъ; — какъ вѣрные путеводители, направляли умы къ истинному просвѣщенію, а сердца — къ исполненію обязанностей Христіанскихъ. Опровергали-ль они мнѣнія, зараженныя заблужденіями? Никакое прошиворвчіе оспорило ихъ не дерзало. Вооружались ли обличительными укоризнами прошивъ нарушителей закона? Сіи укоризны были вопиющимъ гласомъ совѣсти для виновныхъ. Защищали-ль гонимую цевдичность? Посрамленіе зла и торжество доблести были наградою за ея терпѣніе. Какого же сокровища не

опыщеть въ таковыхъ твореніяхъ любитель изящной Словесности, соревнованіемъ одушевленный!

3) Много пользы принести могутъ и сочиненія классическихъ Писателей, коими Греція и Римъ нѣкогда славились — тѣхъ великихъ художниковъ, которые сооружали не изъ кирпича, но изъ мрамора. Чему дивиться? Ихъ краснорѣчіе писалось свойственнымъ, природнымъ ему воздухомъ, между тѣмъ какъ у насъ кажется оно расптніемъ, изъ одного климата въ другой пересаженнымъ. Хотя Древніе не превзошли насъ способностями своими, но естественность и правильность ихъ сужденій даютъ имъ предъ нами преимущество. Съ плѣнительною легкостью и точностью изображали они природу, свою наставницу, изображали въ предметахъ безконечною, въ сокровищахъ неизчерпаемою. Изъ нихъ — то, если только вникнемъ въ ихъ нравы, переселимся въ ихъ времена, почерпнемъ умѣнне здраво мыслить и успѣшно передавать свои мысли. Чтеніемъ Писателей, по мнѣнію Цицерона, обогащается красота слога (*); а Винкельманъ, знаменитый Археологъ, утверждаетъ, что для образованія вкуса и приобрьтенія понятія о красотѣ всего нужнѣе чтеніе Древнихъ. Въ удивительномъ разнообразіи, при соблюденіи единства, представляюща всѣ предметы, ими описанные! Чистая ихъ, видимъ картины, изъ коихъ однѣ изображающъ происхожденіе, возрастаніе и всю пылкость страстей; другія — всѣ измѣненія судьбы человеческой, всю превратность счастья; нныя — внутреннія и внѣшнія отношенія народовъ, борьбу ихъ мнѣній, причины и слѣдствія ихъ возвышенія и упадка — и все у нихъ въ полной зрѣлости, все приспособлено къ цѣли; слѣдственно могутъ они и должны быть руководителями нашими къ преуспѣянію въ вишійствѣ. Таковыми особенно здравая критика почтищаетъ творенія Демосфена и Цицерона. Въ первомъ достойны подражанія сила чувствованій и мыслей, непреоборимость доводовъ и увлекающая быстрота ораторскихъ движеній; въ другомъ — правильность сужденій, стройность и порядокъ умество-

(*) Loquendi elegantia augetur legendis Oratoribus et Poëtis. *Cic de Orat.*

ваній, точность, численность и плавность выражений. Для насъ они то же, что звѣзды для мореходца.

И сего еще не довольно для искашеля средствъ къ усовершенію дара говоришь убѣдительно. Да вмѣняешь онъ себѣ въ обязанность читать опличивѣйшихъ опечесственныхъ Писателей; да избереши вождями своими Ломоносова, Хераскова, Муравьева, Карамзина, Мерзлякова и другихъ. Съ полей, засѣянныхъ ими, собереши онъ неоскудную жашву: основательность сужденій, приличіе выражений и благородство чувствованій, запечатлѣнныхъ уваженіемъ ко всему священному, любовью къ Опечесству, стремленіемъ къ показанной Гораціемъ цѣли: соединяши полезное съ пріятнымъ и пріятное съ полезнымъ (*). Такое чтение — если расшворено будешь здравымъ размышленіемъ и судомъ безпристрастной крипки, предписывающей разборчивое наблюденіе надъ красотою и недоспаками, съ шѣмъ намѣреніемъ, что побъ усвоиши первыя и уклонишься отъ послѣднихъ — такое чтение увѣнчается вождельнымъ успѣхомъ. Повѣримъ Блаженному Августину, который говориши, что человекъ, имѣющій отъ природы счастливыя дарованія, скорѣе и болѣе созрѣеши въ Краснорѣчіи, читая и слушаши вишійственныхъ сочиненія, нежели занимаясь изученіемъ Риторическихъ правилъ.

Но чтение безъ *подражанія*, т. е. умной переимчивости, останется безплоднымъ. Есть переимчивость дѣтская и рабская. Первая, не умѣя ошдѣляти изящнаго отъ посредственнаго, подражаетъ и худому наравнѣ съ хорошимъ; присвоиваетъ себѣ и самыя погрѣшности Автора; ибо такое подражаніе никакого пруда не требуетъ. Другая, безъ всякой разборчивости заимствуя изъ подлинника и то, что не соотвѣтствуетъ предположенной цѣли, дѣлаешь изъ него уродливый списокъ. Хорошее подражаніе мужественно и свободно. Оно, при непрерывномъ занятіи, при благородномъ соревнованіи, умѣеши и чужое добро законнымъ образомъ

(*) Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci. *Hor.*

обращать въ собственность, принаравливая оное къ своей мѣшѣ; умѣешь красоты избранныхъ пупеуказашелей пересаживать на новую землю, и помощію благоразумія и искусства предсавлять оныя въ новомъ привлекашелейшемъ видѣ. Согласно съ мнѣніемъ Лагарпа, скажемъ, что человекъ съ дарованіями почти всегда начинается подражаніемъ, какъ данью, которую плашнптъ своимъ наставникамъ. У великихъ мастеровъ надобно учиться тому, кто хочетъ быть великимъ живописцемъ. И самые Геніи достигли своего возвышенія не иначе, какъ чрезъ подражаніе. Цицеронъ подражалъ Димосеену, Горацій — Пиндару; Плавтъ и Теренцій шли по слѣдамъ Аристофана и Менаидра; Виргилій имѣлъ предъ очами своими Гомера и Оеокриста; Расинъ бралъ себѣ за образецъ творца Иліады и Одиссеи, Мольеръ — Плавта, Руссо — Моншана, Ломоносовъ — Цицерона и Плинія, Княжнинъ — Корнеля, Державинъ — Горація, Озеровъ — Дюссеса. Доспохвально придерживашься великихъ образцевъ въ Краснорѣчїи; постыдно только подрашть слабымъ подрашателямъ. Да будетъ же путь, избранный созрѣвшими въ просвѣщенїи, нушемъ и для созрѣвающихъ! —

Но подражаніе, при всей разборчивости и дѣятельности своей, не поставишь на высокую степень Орапора. Желашій заслужить сіе почешное имя, долженъ прибѣгать къ собственнымъ опытамъ. *Упражненіе въ сочиненїяхъ* — при глубокомъ размышленїи, со всѣхъ споронъ объемлющемъ свои предметы, и при наблюденїи послѣдовашельнаго порядка — вошъ послѣднее и важнѣйшее средство къ приобрѣшенію пальмы Краснорѣчїа! Размышленіе составляешъ основу сочиненія. Чѣмъ глубже земледѣлецъ вспахивашеть землю, тѣмъ способнѣе спашовишся она къ произведенію и питанію растѣній: чѣмъ долѣе и шщашельнѣе обдумываемъ свой предметъ, тѣмъ болѣе полношы и силы придадимъ умешвенному произведенію. Однѣ многократныя, никакими посторонними предметами неразвлекаемыя и слѣдующія одно за другимъ занятія могутъ усилить навыкъ и совершенно ознакомить съ искусствомъ изобрѣшашть все близкое къ своей машерїи, изобрѣшенное располагашь въ связи и постепенности, распо-

ложное выражать съ ясностію, чистою, приличіемъ и убѣдительною. Сама природа ничего великаго не производитъ скоро; всякое дѣло требуетъ трудовъ и усилій. Здѣсь необходима дѣятельность неупоминанная. »Медленно и тщательно начинай сочиненіе — сказано Квинтилианомъ: спарайся писать, какъ можно чаще и лучше (*); не все лови, что на глаза попадается, а избирай приличнѣйшее; перечитывай предыдущее, чтобы лучше соединилось съ нимъ послѣдующее; обрати въ привычку наблюденіе сихъ правилъ — и приобрѣтешь способность писать исправно. Мысли будутъ представляться легче и удобнѣе; слова войдутъ въ соотвѣстственность мыслямъ, и въ сочиненіи, какъ въ согласномъ семействѣ, все явится въ порядкѣ, зависимости и повиновеніи. Писавши скоро, не научишься хорошо писать, а писавши хорошо, приучишься писать скоро (**).“

Чему одолжены древніе и новые Геніи своимъ совершенствомъ? Терпѣнію въ высочайшей степени — ошвѣчаетъ Бюффонъ, самъ ставшій на ряду съ ними. Только терпѣніе побѣждаетъ затрудненія, кто посредствомъ усилій приучилъ себя бороться съ ними. Никакія препятствія не останавятъ ашлепа, во всеоружіи выступившаго на подлежащее ему поприще для приобретенія вѣнца лавроваго: нѣшь препонъ и для ревностнаго любителя изящной Словесности, обрѣкшаго себя неоцѣненнымъ даромъ вишійственаго слова дѣйствовать въ прославленіе Вѣры, въ честь Отечества, въ назиданіе ближнихъ. Сей даръ, всѣхъ даровъ высшій, предъ коимъ и золото кажется пескомъ, и почести блестящею пылью, низпосылается свыше однимъ избраннымъ, на основаніи благочестія воздвигающимъ зданіе своего просвѣщенія.

Любезное Отечество наше, Почтеннѣйшіе Посѣшители, достойно и праведно можетъ хвалиться ревностію стоять на ряду съ образованнѣйшими Государствами Европы. Науки и Искусства, взаимно вспомошествоуемая и укрѣпляемая, осыпають насъ

(*) Scribendum quam diligentissime et quam plurimum. *Quint.*

(**) Cito scribendo non fit ut bene scribatur; bene scribendo fit ut cito. *Quint.*

дарами своими. И самые иностранцы перестали уже приписывать намъ одну переимчивость; видя успѣхи наши во многихъ отрасляхъ познаній, не отказываютъ уже намъ во хвалѣ справедливой. Сколько образцовыхъ сочиненій, копии Писателей наши отличились на поприщѣ Исторіи, Поэзіи и Краснорѣчія, переведено на иностранные языки! сколько искусственныхъ произведеній, зрѣлыхъ плодовъ народной промышленности, неуступающихъ иноземнымъ ни въ изяществѣ, ни въ прочности, заславляющъ чужестранцевъ увѣрился въ изобрѣтательности ума соотечественниковъ нашихъ! И усилія, преодолевающія всякое затрудненіе, и остроуміе, во глубину предметовъ проникающее, и утонченность вкуса, умѣющая угождать строгой разборчивости — все доказываетъ, до какой степени усовершенствованія достигла любознательность наша. Мы уже приближаемся къ золотому вѣку нашей Словесности. Просвѣщеніе, какъ древо, насажденное при исходѣ водъ, многотысячными вѣтвями своими осѣняетъ все пространство Россійской Имперіи. Читаніемъ занимающіе не одніе высшія сословія: благородное соревнованіе, извлекаетъ изъ него полезное и пріятное, объемлетъ всѣ сословія. Не чужеземные шокмо Писатели, но и отечественные вполне удовлетворяющъ любопытству искашелей просвѣщенія, выполняютъ требованія ума и вкуса, доставляютъ наслажденія душъ, и знакомятъ съ умѣемъ сообщать и другимъ свои наслажденія.

Благодареніе НИКОЛАЮ I, Самодержцу Всероссійскому, шестилѣтіе благословеннаго СВОЕГО Царствованія ознаменовавшему дѣлами мудрости, правоты и милосердія, какія могутъ быть совершаемы шокмо во многолѣтіе! Шестуя по стопамъ Августѣйшаго СВОЕГО Брата, нещадившаго никакихъ пожертвованій для распространенія истиннаго просвѣщенія, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЬ обращаетъ взоры всеоживляющей любви СВОЕЙ къ наукамъ, и живошворнымъ благоволеніемъ СВОИМЪ возбуждаетъ соревнованіе къ преуспѣянію въ оныхъ. Всякое изобрѣтеніе въ искусствахъ, ознаменованное благонамѣреннымъ направленіемъ къ улучшенію общественной жизни; всякое произведеніе таланта, запечатлѣнное

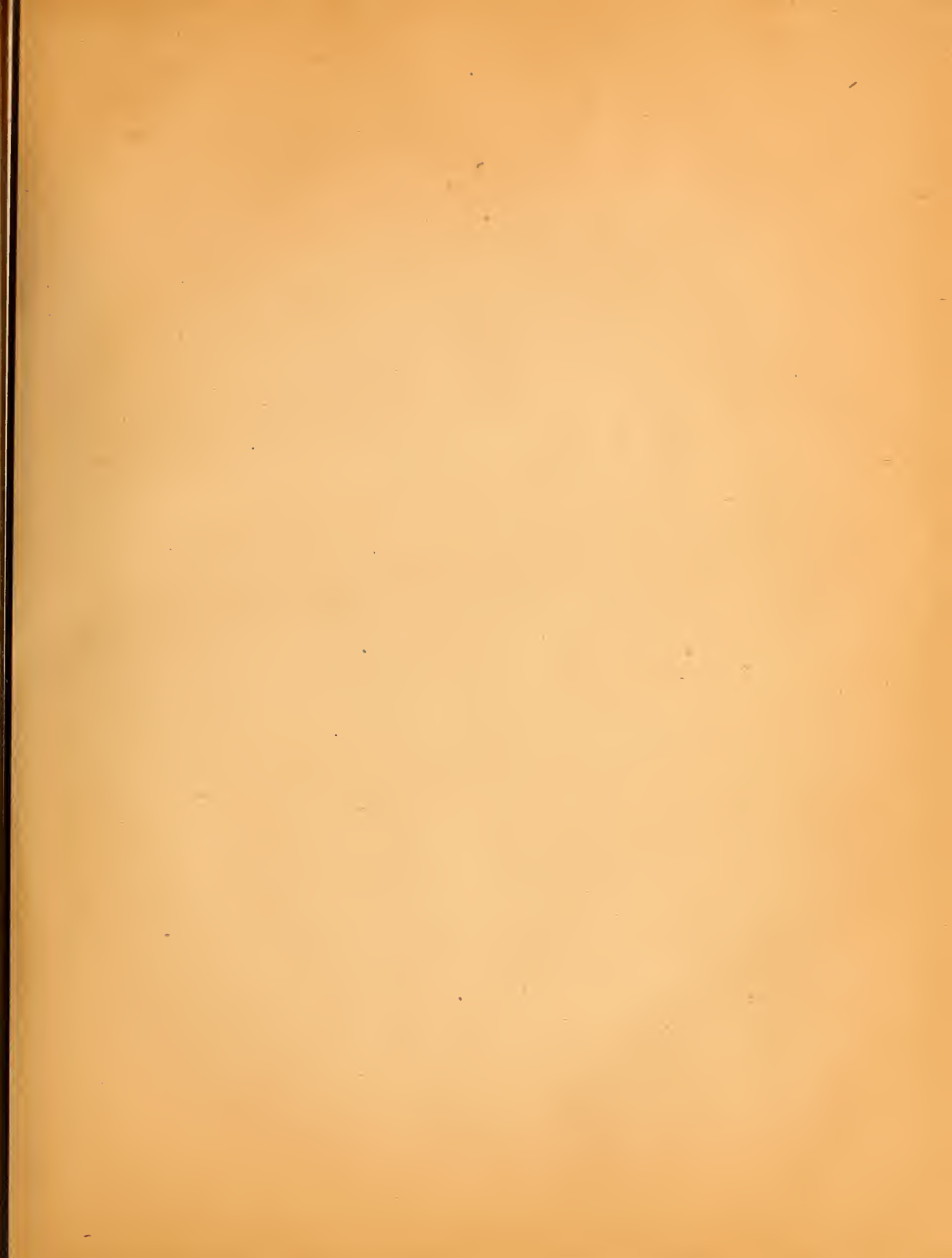
зрѣлостию мыслей, возвышенностию чувствованій и любовью къ отечественной Словесности, всегда неразлучною съ приверженностию къ Отечеству; всякой подвигъ мужества, великодушія и добродѣтели — привлекають на себя ЕГО отеческое вниманіе, удостоивающаго Высоко-Монаршихъ щедростъ ЕГО.

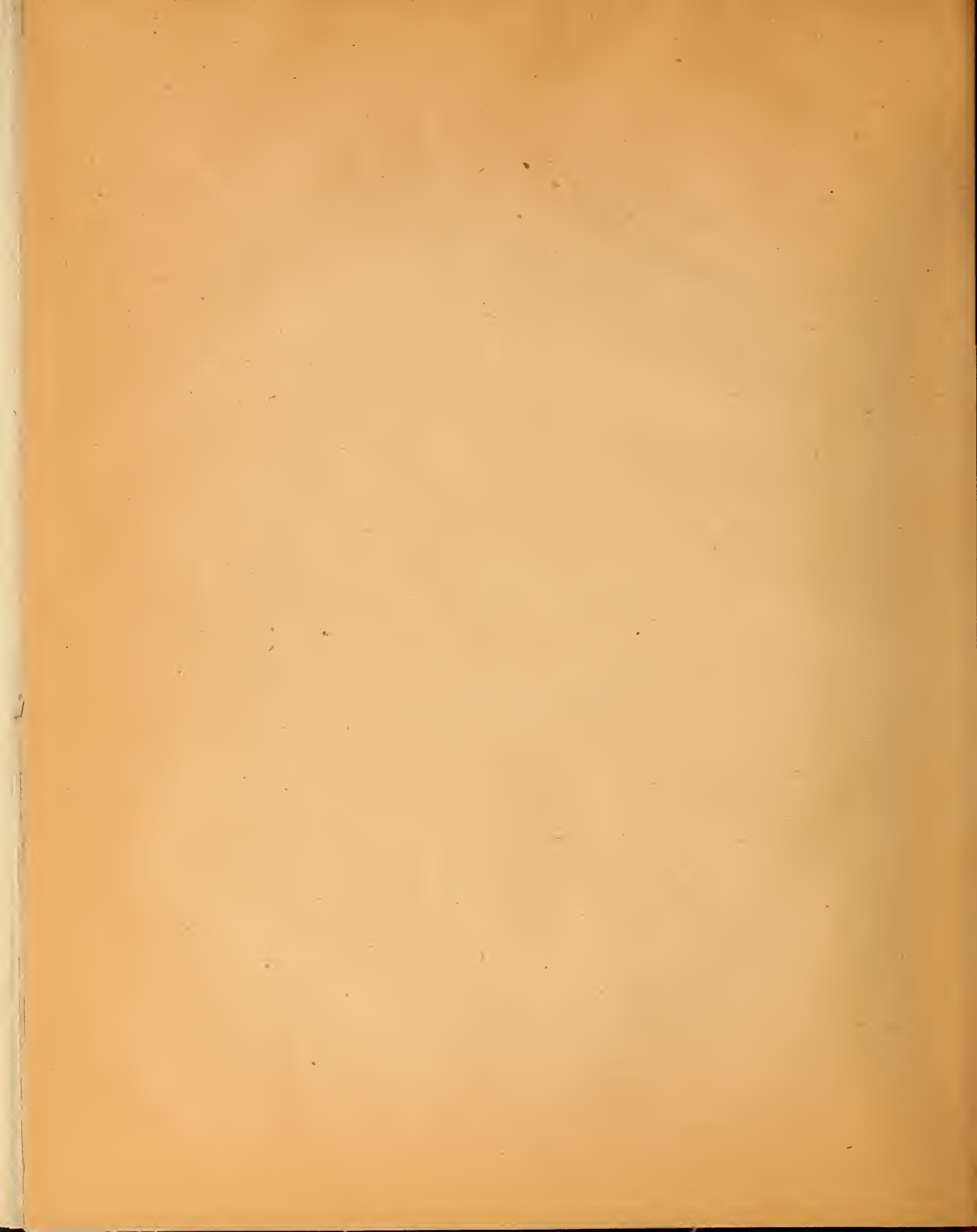
Благословенъ жребій нашъ, Почтеннѣйшіе Посѣпители! и намъ ли завидовать другимъ народамъ? . . . Наслаждаясь счастьемъ подъ сѣнію благошворнаго Самодержавія, вмѣнимъ себѣ въ священную обязанность приносить чистую жертву усерднѣйшихъ молений Царю Царствующихъ, да вѣнчаетъ блистательнѣйшими успѣхами все предприемлемое ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ во славу Россіи, для благоденствія ЕГО вѣрноподданныхъ; да утвердишь, возвеличишь и превознесешь ЕГО Царствованіе во дни брани и во дни міра; да сохранишь дражайшую жизнь ЕГО и Всей Высочайшей ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамиліи, да сохранишь, какъ залогъ небснаго къ Россіи милосердія. Богъ и Августѣйшій Помазанникъ Его да услышатъ гласъ сей, запечатлѣнный искренностию сердець нашихъ!

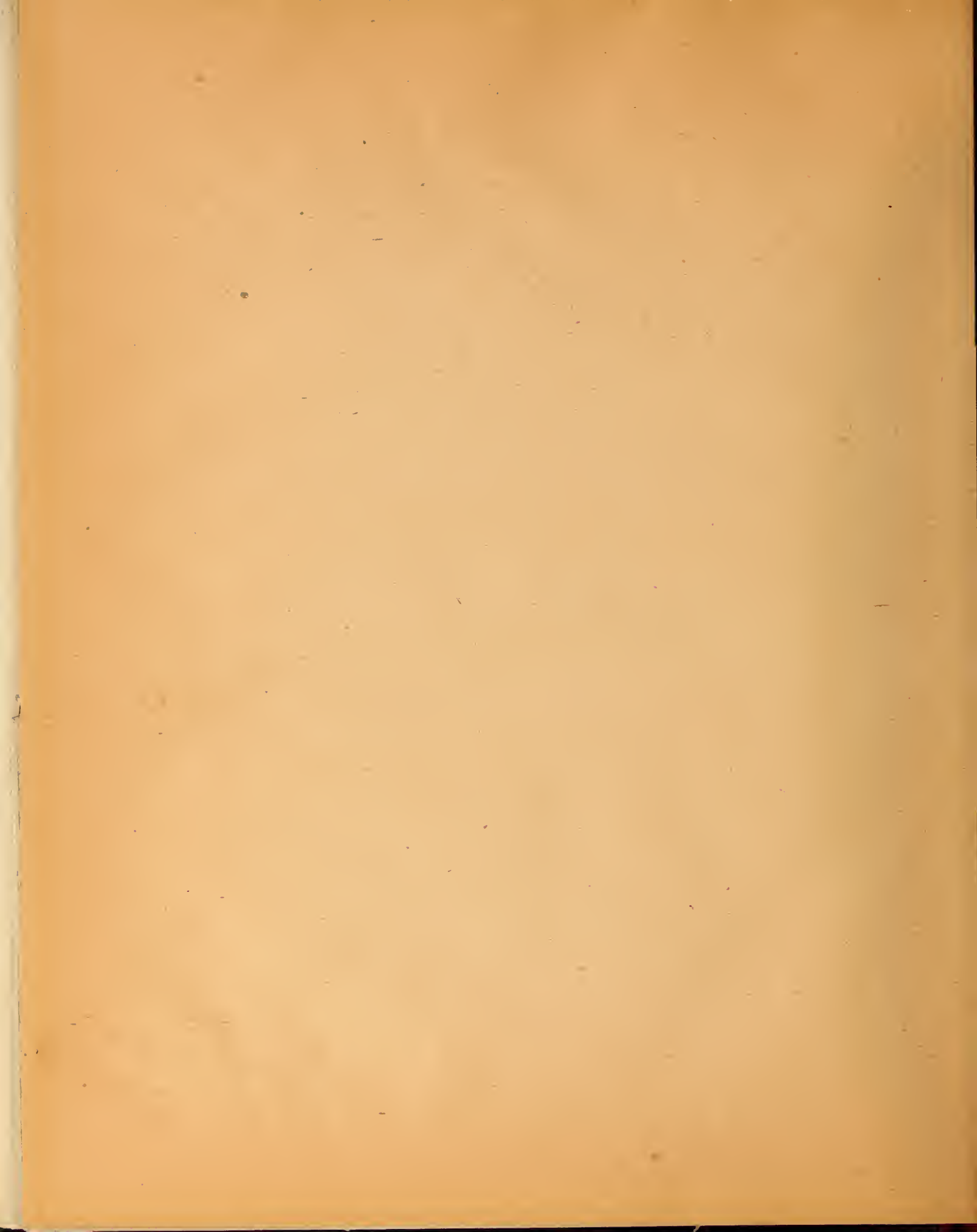
Наконецъ обращаю рѣчь мою и къ вамъ, благовоспитываемые юноши! Науки — предметъ вашъ; цѣль — просвѣщеніе; его основаніе — чистѣйшая нравственность святой Вѣры. Ученіе, изъ нея почерпаемое, да будетъ путеводною звѣздою, а благонравіе подкрѣпительнымъ жезломъ на всѣхъ спезяхъ вашей жизни. Любя отечественное, родное, руководствуйтесь правилами и примѣрами благомыслящихъ Писателей нашихъ, прудившихся въ назиданіе современниковъ и потомковъ. Только съ ними достигнете воздеальной цѣли: благоуспѣшно дѣйствовать на умы и сердца другихъ. Обогащайтесь запасомъ полезныхъ знаній, потребныхъ для орашорскаго искусства, произведенія свои освящайте печатію истины и добродѣтели. Къ нимъ направляя всѣ силы размысленія и чувствованія, спарайтесь, чшобы во всѣхъ словахъ вашихъ видно было соединеніе образованнаго ума съ сердцемъ, украшеннымъ доблестями; чшобы во всѣхъ писаніяхъ

вашихъ являлось строгое храненіе уроковъ нравственности и правилъ жизни. Не обольщайтесь приманчивыми блесками славы: ложная, угодница самолюбія, разсѣется какъ дымъ и прахъ; истинная, на страхъ Божіемъ основанная, обрекая себя служить Отечеству, неизблема, какъ гора кремнистая. Дѣятельностію и перпѣніемъ оградивъ себя отъ праздности, легкомыслія и разсѣянія, помните сказанное Соломономъ: *въ злохудожну душу не внидетъ премудрость*. — Только съ неукоризненною совѣстію, съ чистымъ сердцемъ и душою, напитанною спасительными правилами Откровенія, обратитесь премудрость, по выраженію того же мудраго Царя, благолѣпнѣйшую солнца, превосходящую золото и серебро, премудрость, въ десницѣ коея долгоша жизни, въ шуйцѣ же богатство и слава (*). Счастливъ, кто удостоится найти сіе сокровище: на немъ почиетъ духъ Благодати небесной.

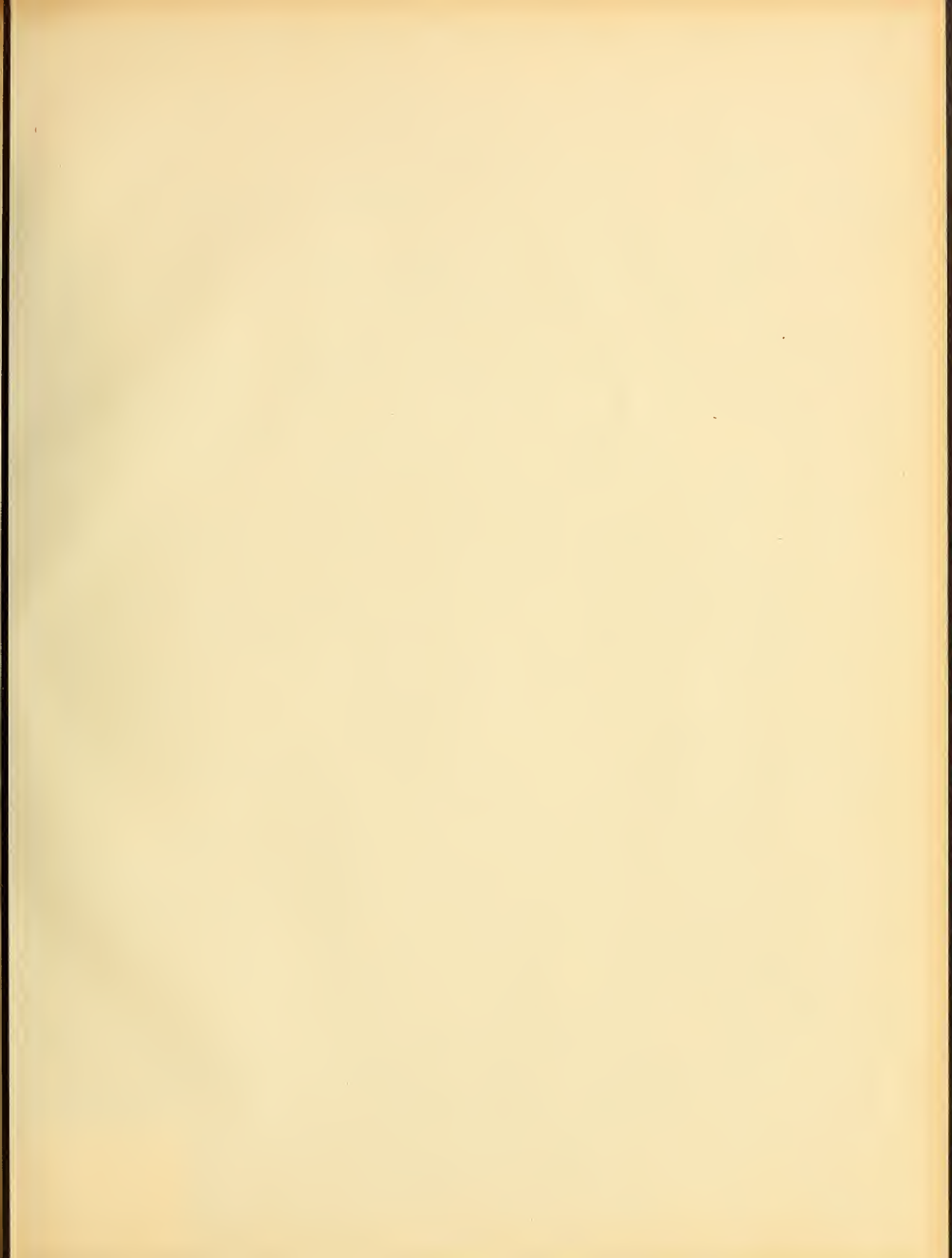
(*) Притч. Солом. III, 4. I, 16.

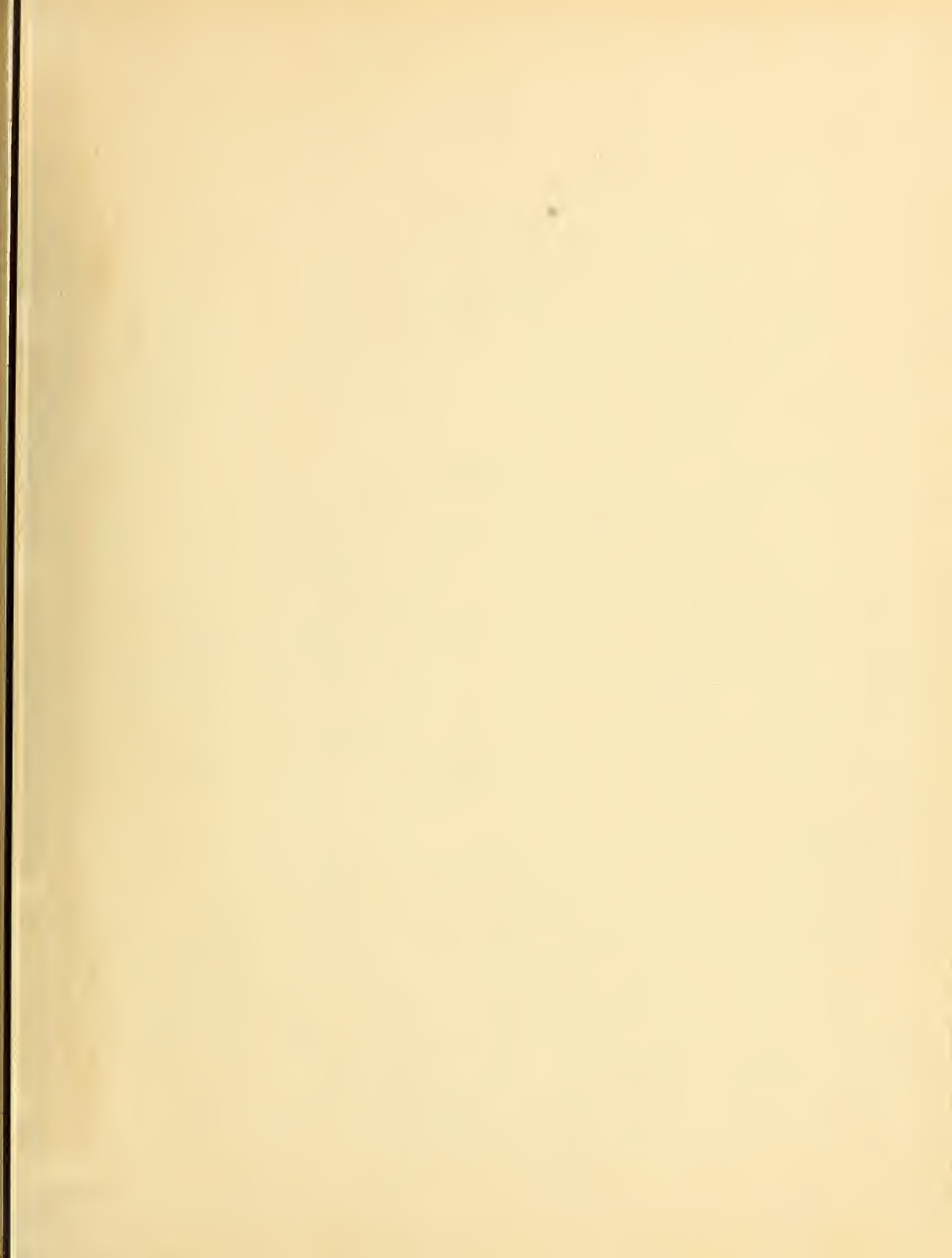
McQuinn

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Nov. 2007

Preservation Technologies
A WORLD LEADER IN COLLECTIONS PRESERVATION

111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS

0 021 957 527 0